

ПОМПЕО САРНЕЛЛИ

ПОЕЗДКА В ПОЗИЛЛИПО

ПЯТЬ СКАЗОК



1684

Помпео Сарнелли

Поездка в Позиллипо

<https://litres.ru/74571479>

SelfPub; 2026

Аннотация

На солнечном берегу Неаполитанского залива друзья собираются за столом, а Чанна и её четыре дочери рассказывают пять удивительных сказок. В них голубка возвращает надежду, верная подруга спасает заколдованную принцессу, яблоки поют, вода пляшет, а говорящая птица открывает тайны. Даже маленькая курочка и скромная сардина могут помочь тому, у кого доброе сердце.

«Поездка в Позиллипо» Помпео Сарнелли впервые вышла в 1684 году. Это русское иллюстрированное издание подготовлено для детского и семейного чтения: грубые шутки и взрослые намёки смягчены, сохранены обрамление, все пять сказок и колорит старинного рассказа. Цветные иллюстрации дополняют путешествие в мир чудес, находчивости и верности.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ,	6
СОПРОВОЖДАЮЩИЕ КНИГУ	
ВСТУПЛЕНИЕ И ДРУЖЕСКОЕ УГОЩЕНИЕ	19
В ПОЗИЛЛИПО	
ВОЗНАГРАЖДЁННОЕ МИЛОСЕРДИЕ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Помпео Сарнелли

Поездка в Позиллипо

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами «Поездка в Позиллипо» — пять сказок Помпео Сарнелли, впервые изданных в Неаполе в 1684 году. Они звучат во время дружеской встречи на берегу моря: Чанна и её дочери по очереди рассказывают истории, в которых обычная жизнь незаметно уступает место чудесам.

Здесь голубка помогает доброй женщине, верная подруга спасает заколдованную принцессу, яблоко поёт, вода пляшет, а птица раскрывает чужие тайны. Маленькая курочка находит большое сокровище; скромный подарок бедняку становится началом удивительного приключения. Но самое важное волшебство этих сказок — доброта, находчивость и верность данному слову.

Русское издание подготовлено для детского и семейного чтения. Старинные выражения переданы понятной русской речью, грубые шутки и взрослые намёки смягчены. Мы стремились сохранить живой голос рассказчиков, красочные сравнения, песни и последовательность событий. Исторические вступительные и заключительные тексты оставлены в

составе книги, чтобы читатель мог почувствовать её время.

Двадцать восемь цветных иллюстраций приглашают рассмотреть этот мир внимательнее: солнечные террасы, волшебные сады, старинные дворцы и лица героев. Это современные художественные образы, созданные специально для русского издания.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ КНИГУ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Доблестнейшему господину Иньяцио де Вивесу

Мне не пришлось долго размышлять, кому посвятить эту небольшую книгу: ведь её сочинитель и в сердце, и на устах хранит только почитаемое имя вашей милости.

К этому добавилось ещё одно обстоятельство. Однажды в доме господина аббата Помпео Сарнелли, у которого и на чьи средства, как вам известно, живёт любезнейший господин Реппоне, зашла речь о весёлом пире, описанном в этой книге. Господин аббат сказал, что удивляется: почему, судя по записи, там произнесли только один тост?

Реппоне ответил, что тостов было всего три. Первый, уже записанный, — от врача двум друзьям. Второй — от двух друзей в ответ врачу. А третий — от всех троих в честь вашей милости.

Господин аббат заметил, что этим они нарушили установленное правило пиров. Они поняли бы его, если бы подумали о слове «Позиллипо», названии места, где находились. Ведь учёным людям известно: «Паусилипон — третья чаша на пиру, посвящённая Юпитеру Спасителю; она зовётся так

потому, что прогоняет заботы». Следовательно, третий тост полагалось посвятить Юпитеру.

— Всё верно! — ответил Реппоне. — Именно поэтому мы посвятили его господину Вивесу. Ведь из букв IGNATIO DE VIVE получается A TE, DIVIN GIOVE — «Тебе, божественный Юпитер».

— Вы правы, — ответил господин аббат. — С господином Реппоне не поспоришь: остроумием своего живого ума он превосходит всех.

Итак, если вам посвятили питьё, вполне уместно посвятить вам и весь обед, со всеми остальными обстоятельствами, весело описанными в этой книжке.

Посвящение делаю я, потому что после многих отказов всё-таки выкрал книгу из рук автора. Он уже обогатил печатный свет столькими плодами своего дарования, счастливого на любом языке — тосканском, латинском или греческом, — но совершенно не заботился об издании этой вещи. Она возникла за несколько часов, отнятых у более серьёзных занятий, ради отдыха в летнюю жару.

Мне приятно думать, что я поступил верно. Если книги посвящают кому-либо, чтобы получить от него свет и жизнь, от кого же лучше получить их, чем от вашей милости? Одно ваше имя приносит сияние, а фамилия дарует жизнь. И в этом вы тоже подобны Юпитеру, которого греки звали Зевсом, связывая это имя с жизнью.

Что вы даёте жизнь даже умершим, скоро покажут печат-

ные станки: они возродят героя, прекрасно изображённого вашим золотым пером. Ещё с юных лет это перо удивляло неаполитанские академии произведениями самых разных видов. Юридическая служба, которой вы занимались на многих почтенных должностях, ничуть не мешала вашим изящным и гуманным литературным трудам.

Я не прошу благосклонно принять дар: он от вашего сердечного друга, и я знаю, что вы охотно примете его с присущей вам любезностью. Напоминаю лишь о моём преданном почтении к вашим великим достоинствам и о желании всегда оставаться, господин мой,

вашим преданнейшим и многим обязанным слугой,
Антонио Бюлифоном.

ГОСПОДИНУ АББАТУ ПОМПЕО САРНЕЛЛИ

По поводу «Поездки в Позиллипо» Масилло Реппоне,
которую автор этих стихов считает его сочинением

Джаналезио, верно, приснилось,
Что другой появится однажды
И в искусстве сказок превзойдёт его.
Потому-то, думаю, он выбрал
Имя Аббаттуто — «Побеждённый».
Вот Реппоне перед нами:
Сравни их — и он его обходит.

Но награда ваша, мой аббат,
Добрый, благородный и учтивый:
Вы привели к нам этого рассказчика.
Потому обоим вашим именам,
О Помпео, о Масилло,
Будут вечно полниться хвалой
И нутро, и оболочка — как колбасе,
Пока в Неаполе найдётся хоть листок зелени!

Сердечно преданный вам
Клаудио Чиклирани.

ДОБРЫМ ЧИТАТЕЛЯМ
Масилло Реппоне

Совершенное безумие — думать, как думают некоторые люди, хотя и кажутся рассудительными, будто можно написать книгу столь безупречную, что никто не откроет рта для замечания, а все с почтительным поклоном снимут перед ней шляпу. Даже самых великих людей на свете подвергали критике. Невозможно, чтобы где-нибудь не заскрипела надломленная балка и какая-нибудь порванная завязка не полезла в общий ряд.

А уж когда речь о книгах, даже всякая мелочь заявляет: «И мы, яблоки, тоже плывём!»

Вот и один писарчук, увидев, как я в свободные часы со-

чиняю эту забаву, сказал:

— Разве человеку вроде тебя не стыдно тратить время на пустяки? Ты написал столько серьёзных, достойных внимания трудов, а теперь возишься со сказками об ограх! И хоть бы писал по-тоскиански или на каком-нибудь другом языке. Ведь неаполитанская речь годится только для комедийных шутов.

Я такие песни давно знаю и немало слышал подобных глупостей. Но, чтобы он не счёл себя победителем, ответил:

— Кто может запретить учёному человеку немного дозволенного и честного отдыха? А в чём отдых человека, любящего знания, если не в том, чтобы иногда прерывать серьёзные занятия и обращаться к весёлым? Да и сочинять сказки вовсе не пустое дело. Как говорил тот Пико, который пел лучше соловья: «Для глиняной статуи нужно не меньше искусства, чем для золотой или серебряной. Более того, чтобы сделать последние, сперва нужно уметь создать глиняную модель».

— И вы уже надоели половине света со своей тоскианской речью! Одно крепкое неаполитанское слово стоит всех словарей Академии делла Круска. Какой другой язык с ним сравнится? Кто станет спорить, что латынь — великий язык? А всё же Помпей Великий, приехав в Неаполь и полюбив нашу речь, оставил латынь. Когда Цицерон устроил ему за это головомойку без мыла, он ответил: «Ты не знаешь, о чём говоришь. Поживи ты в Неаполе, сам променял бы латынь

на неаполитанский». Ведь наша речь — смесь греческого и латинского, прекрасный сплав, который услаждает рот, нёбо и горло. Так, по его словам, прочёл в письмах Цицерона к Аттику наш Суммонте, слава Неаполя, — об этом он пишет в шестой главе первой книги своей знаменитой истории.

— А утверждать, будто неаполитанская речь годится лишь для комедийных шутов, — что за дерзость! Приезжие говорят так потому, что не изучают наших слов. Иначе увидели бы, какие они прекрасные и как неловки их собственные.

— Однажды философ из Позиллипо путешествовал по Ломбардии. Он говорил на сочном, крепком неаполитанском, и все над ним смеялись. Тогда, чтобы показать насмешникам их ошибку, он сказал одному важному всезнайке: «Давай посмотрим, чьи слова лучше — ваши или наши. Мы говорим саро, то есть голова. А вы?» — «Мы говорим со». — «Мы говорим саа, дом. А вы?» — «Са». — «Мы говорим ю, я. А вы?» — «Ми». — «Тогда быстро произнеси наши слова на своём языке: я, дом, голова».

— Ломбардец сразу выпалил: «Ми-са-со!» Слова слиплись в смешную нелепицу. «Вот видишь! — сказал неаполитанец. — Когда язык не понимаешь, не стоит его порочить. Кто же говорит нескладно: мы или вы?»

— А если серьёзно: разве наши полновесные слова, в которых не потеряно ни одной буквы, не похожи на большие добротные монеты? Знаешь историю одного нашего бедня-

ка? Он выехал из Неаполя, где хлеб называется рапе. Прибыл в другой город — там говорят рап. Поехал дальше — там уже ра! Тогда он сказал спутнику: «Повернём назад. Если пойдём ещё дальше, хлеба вовсе не останется и мы умрём с голоду!»

Но оставим эти споры. Пусть каждый говорит что хочет. Кто заключил с тосканцами договор говорить на их языке, пусть терпит. Я такого договора не заключал и хочу говорить на языке своей земли. Кому не нравится, пусть заткнёт уши или пройдёт мимо.

Надеюсь, мои земляки примут книгу с удовольствием — хотя бы потому, что это новое дело. После Кортеше множество достойных людей писали неаполитанские стихи, а после Джаналезио Аббаттуто никто не писал сказок. Если эти небольшие рассказы, которые я печатаю для пробы, понравятся, я тоже возьмусь за большую книгу. Ведь могу вернуться в Позиллипо когда угодно и устроить ещё полторы тысячи таких поездок!

Аббаттуто писал только для развлечения малышей, а потом его книга пригодилась и старикам, и даже приезжим. Надеюсь, моя книжка тоже будет им приятна.

В крайнем случае она поможет отцам больших семейств. Пусть читают её вечером: летом в прохладе открытой галереи, зимой у очага. От множества плоских шуток уснут не только дети, но и взрослые. Всех уложат в постель, сэкономят на еде и благословят душу сочинителя.

А он целует ваши руки — если вы их вымыли! — и просит
вашей благосклонности.

СЛАВНЕЙШЕМУ И ВЕЛИКОЛЕПНОМУ
ГОСПОДИНУ

Масилло Реппоне де Гнанополи

На пользу вам, господин Масилло, и да минует вас дур-
ной глаз — и вас, и вашу компанию, пока вы развлекаетесь
в Позиллипо!

Там воздух чист,
Прохладен, весел и приветлив,
Там место так прекрасно,
Что и больному легче станет.
Там наслаждаешься дыханьем
И гор, и моря,
Слышишь пенье сверчков,
Видишь рыбы пляски.
С одной стороны зовут
Зелёные травы, пёстрые цветы,
С другой — прохладные водоросли
И свежие ароматы.
Там весело бродить
То среди гор, то между скалами.

Ты, знаю, уже улыбаешься:

До того сладка наша речь,
Что её вкушаешь как лакомство.

Что же делать! Мы здесь тоже стараемся как можем развеять печаль от разлуки с вашей милостью. Особенно потому, что в последнее время казалось, будто вы совсем заткнули уши и закрыли глаза, чтобы больше не слышать и не видеть друзей. Словно вы переправились через Лету и велели бросить все воспоминания о нас под мост!

И всё-таки я не мог представить, чтобы столь достойный человек позволил поселиться в себе неучтивости. Ведь она сбивает циркуль у архитектора здравого смысла и отнимает компас у моряка рассудка. Пока я колебался между «да» и «нет», между Сциллой и Харибдой — верить или не верить, — вы с обычной своей весёлостью прогнали всю нашу меланхолию и опрометчивые суждения.

Вы решили поделиться своими развлечениями и прислали прекрасную «Поездку в Позиллипо». Пусть это лишь остатки и крошки тех роскошных столов, какими вы обычно нас угощаете, но даже крошки из ваших рук драгоценны! Ваши корочки столь вкусны, что все бегут за ними словно голодные.

Представьте, что будет, когда нам подадут полный обед! Я уже наточился словно бритва и готов к славному пиршеству: хочу получить свою долю до последнего кусочка.

Теперь, если бы воскресли Кортесе и Базиле, Сгруттендио

и Валентино со всей остальной компанией, им оставалось бы породниться с Джаналезио и всем вместе войти в род Аббат-туто — «Побеждённых». Вы устроили им такую встряску и так ловко пришили им по мерке, что они могли бы идти в сапожники, мести улицы или поскорее уносить ноги.

Поэтому, господин Масилло, продолжайте! Смело беритесь за дело, пишите дальше и покажите этим важным господам, на что способны. Послушайте меня: говорю, как чувствую, без притворства, с сердцем на языке. Я не из тех, кто осыпает человека любезностями в лицо, а за спиной поносит. Пусть эта дурная привычка останется при них и при всех любителях подобных представлений. Когда мы встретимся, будет время поговорить обстоятельнее и с большим удовольствием.

Пока же извините, если я утомил вас этой болтовнёй: её хватило бы на целый корабль нищих. Воображая, будто говорю с вами по-дружески, нашими обыкновенными, полновесными словами, без хитростей и выкрутасов, я разошёлся и не заметил, что мешаю вашим другим занятиям. Они ведь не детские, как у Джаналезио!

Вы никогда не сидите сложа руки и не занимаетесь пустяками. Слушать нелепые речи рассеянного старика — последнее, что вам сейчас нужно. Всё-таки оставьте меня в средней комнате вашей благосклонности. Любите меня: это вам ничего не стоит.

На этом прощаюсь и сердечно вам вверяюсь. Прошу небо

всегда давать вам хороший аппетит и ещё лучшую еду, беречь от нашествия клопов и оводов, когда вы ложитесь спать, и от набегов доктора Маркьонно, когда садитесь за стол!

Мой Масилло, если вам по нраву
Эти простые наши побасёнки,
Я пришлю ещё десяток с лишним:
Пусть похвалят и меня!

Вашей милости
сердечно преданный
Удженио Десвиати,
член Академии Сгарджати.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПЕЧАТЬ

Печатать разрешается.
С. Менатус, генеральный викарий.
Доминик Антонио Корагиус, Общество Иисуса,
уполномоченный его высокопреосвященства.

Ваше превосходительство!

Антонио Бюлифон, книгопродавец вашего превосходительства, почтительно сообщает, что желает напечатать книгу под названием «Поездка в Позиллипо Масилло Реппоне».

Поэтому просит поручить её рассмотрение тому, кого ваше превосходительство сочтёт подходящим, и примет это как милость. Да воздаст Бог и прочее.

Пусть достопочтенный доктор обоих прав дон Чезаре Натале рассмотрит книгу и представит письменное заключение.

Каррильо. — Сория. — Провенцаль.

Славнейший герцог Кампимелли и почтенный регент Якка не участвовали.

Ваше превосходительство!

В «Поездке в Позиллипо Масилло Реппоне» нет ничего противного королевской юрисдикции. Если ваше превосходительство пожелает, её можно предать печати. Неаполь, 13 августа 1684 года.

Преданнейший слуга вашего превосходительства,
дон Чезаре Натале.

Рассмотрев приведённое выше заключение, разрешаем печатать. При издании соблюдать королевские установления.

Каррильо. — Сория. — Миробалл. — Якка. —
Провенцалис.

Постановлено его превосходительством.

Неаполь, 18 августа 1684 года.

Мастеллонус.

ВСТУПЛЕНИЕ И ДРУЖЕСКОЕ УГОЩЕНИЕ В ПОЗИЛЛИПО

Долгая жизнь на свете без отдыха и развлечений — всё равно что долгая дорога без таверны, где можно подкрепиться, без ночлега, где можно передохнуть. Потому даже люди степенные, у которых каждый шаг выверен отвесом и циркулем, время от времени выбирают из своей норы: подышать свежим воздухом, чтобы не пропахнуть затхлостью.

Вот и мне однажды захотелось съездить в Позиллипо. Правда, я не из тех важных особ, которые своим кислым видом словно норовят заправить все салаты на чужих столах; но всё же я домосед и охотно сидел бы себе в уединении! А тут я услышал от одного учёного человека, что «Позиллипо» — слово греческое и на нашем языке означает «Уйми-печаль».

Тем более что в Позиллипо жил мой приятель по имени Петруччо. Он был приезжий и, прибыв в Неаполь, выбрал себе на то лето дом за дворцом Медины, чтобы удобнее было ездить на остров Искью и обратно: там он принимал лечебные ванны. С этим синьором Петруччо мы стали закадычными друзьями у него на родине, когда я однажды странствовал по свету. И, едва приехав в Неаполь, он напрямик отправился ко мне домой, где и прожил всю весну.

Летом он перебрался в Позиллипо и всё писал мне, чтобы я навестил его и пожил с ним несколько дней. Но, поскольку большая компания мне не особенно по душе, я нанял парусную лодку — фелуку — и один-одинёшенек добрался куда надо, прибыв как раз к обеду. Было это 26 июля нынешнего, 1684 года.

Прибытие в Позиллипо



Не передать, как обрадовался приятель, увидев меня! Он обнял меня, я обнял его; мы расцеловались, пожали друг другу руки и обменялись обычными приветствиями. Правда, приятель пожаловался, что я приехал совсем неожиданно и он не сможет угостить меня как следует. Я ответил, что между нами церемонии ни к чему: приготовленного на одного хватит и на двоих.

Встреча старых друзей



Пока мы беседовали, на стол накрыла старушка по имени Чанна. Она была родом из горных мест, жена зажиточного огородника, и помогала приятелю не из нужды, а по доброму соседству. Такая приветливая, такая любезная, с таким милым лицом, что в молодости, наверное, могла сойти за одну из трёх Граций. Накрывая на стол, она извинилась: гость приехал неожиданно, так что, если чего-то недостаёт, пусть уж не взыщет.

Мы едва успели усесться, как к нам явился некий господин в кафтане до колен, расстёгнутом из-за огромного живота. Плечи у него были как у портового грузчика, рот — широкий, точно у волка, ноздри — словно у лошади. А лицо такое невозмутимое, что хоть шилом его коли! Он едва произнёс: «Рад вас видеть!» — и уже втиснулся между мной и приятелем.

— Разве вы не знаете, господа мои, что за обедом гостей должно быть не меньше, чем Граций, и не больше, чем Муз? Иными словами — от трёх до девяти. Двое — слишком мало! Да и достоинств у числа три больше, чем у всех прочих чисел вместе взятых. Три начала насчитывают философы: вещество, форму и отсутствие формы. Три силы различают в живом: способность расти, чувствовать и мыслить. Три главных дара у человеческой души: память, разум и воля. Тремя вещами определяется всякая вещь: числом, весом и мерой. В любом деле есть три части: начало, середина и конец.

Три вещи часто недооценивают: силу грузчика, совет бед-

няка и красоту легкомысленной женщины. Три вещи трудно терпеть: богатого скрягу, бедного гордеца и старого волокиту. Троим не следует доверять: бедному алхимику, больному лекарю и толстому отшельнику. Три вещи попадают не в те руки: птичка — к несмышлёному ребёнку, бутылка — к любителю выпить, молодая жена — к ревнивому старику. Три рода людей хозяйничают на свете: безрассудные, самоуверенные и расторопные.

Три вещи трудно спрятать: веретено в мешке, разговорчивых хозяек за закрытой дверью и солому в башмаках. Три вещи надо помнить: любовь не спрашивает красоты, аппетит не требует подливки, а покупка — дружеского расположения. Покупателю полезно знать ещё и это: масло пробуют сверху, вино — из середины, мёд — со дна.

А сколько троек найдётся, если приняться рассуждать о красоте! Тут вам и длинное, и короткое, и широкое, и узкое, и круглое, и маленькое; и белое, и красное, и чёрное. Хотите подробностей — читайте «Устройство мира». Но разве перечислишь все достоинства тройки? Три свечи зажигают, когда ночью составляют договор. Три вещи гонят человека из дому: дым, дурной запах и злой нрав. Три вещи разоряют хозяйство: пончики, горячий хлеб и макароны. Три разговорчивые соседки да гусь — уже целый базар!

Рыбе нужны три качества: быть жареной, остывшей и крепкой на вкус. Влюблённому — три других: уединение, усердие и тайна. А в каждом из нас есть понемногу от су-

масброда, лекаря и музыканта. У легкомысленной красавицы водятся хвастун, пригожий юноша и простаки. Молодость портят азартная игра, легкомыслие и кабацкие посылки. Придворному помогают притворство, выдержка и удача. Пройдохе нужны большое сердце, много разговоров и мало стыда. Лекарь смотрит на пульс, лицо и признаки болезни. Ну, довольно! Будем есть и веселиться!

С этими словами, не дожидаясь блюд, он схватил четверть большой буханки, раскрыл свой рот до самых ушей и проглотил хлеб, вытаращив глаза, как чужая кошка.

Я так и замер от изумления. «Вот так гость! — подумал я. — С ним и припасов не напасёшься!» Но Петруччо подал мне знак и сказал:

— Не унывайте, мой дорогой синьор Масилло! Сегодня утром нас почтил своим присутствием наш доктор, который лечит меня на водах. По его речам вы уже можете судить, как он учён и образован. Жаль только, припасов маловато. Но если рыбы окажется недостаточно, радушия моего хватит на всех! Хотел бы я, чтобы сегодня был скоромный день: тогда мы угостили бы синьора доктора как он того заслуживает.

— Это не имеет значения! — ответил Маркьонно, так звали лекаря. — Разве вы не знаете, что рыба вкуснее мяса? Потому-то древние римляне называли знатоков изысканной пищи «ихтиофагами», то есть «рыбоедами». Ну-ка, моя Чаннетта, подай воды для рук!

Чанна принесла кувшин и таз. Умывая руки, Маркьонно

спросил меня:

— Какая вода на свете самая лучшая?

— Если спрашиваете о воде в Неаполе, я, пожалуй, отвечу. Но обо всём свете судить не берусь.

— Хотите знать? Лучшая вода — та, которую подают мыть руки перед едой: она расчищает дорогу вину!

Тем временем принесли гороховую похлёбку. Бульона было много, и Маркьонно раскрошил в миску целую буханку. Потом набросился на еду с таким волчьим аппетитом, что кусок едва поспевал за куском: ещё одного не проглотил, а другой уже отправляет следом. В несколько приёмов он управился со всей похлёбкой, хотя миска была под стать королевскому столу, величиной с таз. Мне и приятелю досталось едва по два глотка.

— Как вам похлёбка, доктор? Хороша? — спросил Петруччо.

— Хороша! Только прочного основания на ней не построишь. Как говорят испанцы: «На круглом хорошего здания не возведёшь!»

— Если так, Чанна, принеси кефаль.

— Отлично! — сказал доктор. — Название кефали происходит от греческого слова «голова», а с головы и следует начинать. Но прежде всего подайте пить!

— Вот большой кувшин, — ответил Петруччо. — Возьмите бокал, я вам налью. Только добавим немного воды: вино крепкое.

— Какая ещё вода? От разведённого вина и человек становится водянистым! Не будем и говорить о воде — лучше поговорим о фонтане. Дайте-ка сюда кувшин, устрою маленький фонтанчик!

И он, под бульканье «глу-глу», выпил больше половины — целых три с половиной обычных кувшина.

— Вот так поправляют излишнюю влажность рыбы! — объявил он.

— Тут надо поправить самого доктора, — сказал я. — Ещё рыбы не попробовал, а уже боится её влажности!

— А как же! Кто собирается в путь, тот уже почти в пути. Однако займёмся лекарством!

Он схватил кефаль и проглотил её с лёгкостью яичного желтка. Потом объявил, что в горле застряла косточка, попросил пить и опустошил кувшин до конца.

— Прекрасное средство от костей в горле! — заметил я. — Куда там средства мастера Грилло!

Вслед за тем подали большое блюдо рыбных тефтелей из сардин. Подливка пахла так, что аромат, наверное, разносился на целую милю; кошки подняли оглушительное «мяу-мяу». Маркьонно тоже пришёл в движение: руки его замелькали, словно у дудочника. Тефтели летели одна за другой, точно он заряжал пушку. Он уже набил себе живот, а мы едва успели попробовать.

— Вот это дело! — воскликнул он. — Настоящие ядра, чтобы обстреливать голод и держать его подальше! Кто хо-

чет, пусть идёт на войну и рискует жизнью под свинцовыми ядрами. А вот наша битва даёт жизнь! Чтобы жизнь поддерживать, подайте ещё немного сока виноградной лозы.

Он схватился за другой кувшин, на этот раз с белым вином.

— Как вам это вино? — спросил Петруччо.

— По мне, так славный конский хвост.

— Для вашей тефтельной войны другой конь и не нужен, — сказал я. — Только жаль, после следующего глотка не останется ни коня, ни хвоста!

— Прекрасно! Кончились ядра — кончилась и война.

Тут принесли жареный морской язык, плоскую рыбу. Доктор немедленно нашёл новое слово:

— Чтобы отбивать ядра, такие лопатки и нужны! А раз зовут её морским языком, сведём её с нашим языком.

И начал набивать щёки и опустошать блюдо. Несколько взмахов руки — и дно уже блестит. Потом он ухватился за кувшин и одним духом допил его до последней капли.

— Правда, доктор, хороша эта рыба? — спросил я.

— Превосходна! Недаром одни зовут её «слоёной»: она расслаивается, как корочка пирога. Другие зовут её «единственной»: среди рыб она одна торжествует. А третьи — «морской куропаткой», потому что немного сока горького апельсина заменяет ей любую подливку.

После этого поставили глубокую миску мелкой жареной рыбёшки. Доктор стал брать рыбок по одной за хвост, под-

носить их головы сначала ко рту, потом к уху. Мы удивились и спросили, что за тайна в этих движениях.

— Знайте, — ответил он, — что мой покойный отец утонул, а найти его так и не удалось. Я спрашиваю этих рыбок, не видали ли они его. Но они отвечают, что только вчера родились и ничего не знают. Зато советуют спросить большого морского угря, который лежит на кухне!

Этот синьор Потоп успел и почуять угря, и разглядеть его: со своего места он прекрасно видел, что делается на кухне. Петруччо решил немного охладить его пыл.

— Я не согласен с поговоркой «Мясо молодое, рыба старая». Мне эти рыбки по душе. И вы, доктор, то ли глаза подвели, то ли нос! Хотите — ешьте их, а нет — пусть подадут фрукты.

Услышав такое, доктор не сказал больше ни слова, а принялся жевать с усердием ослика над кормушкой. Он упомянул угря вовсе не потому, что мелкая рыба ему не нравилась: хотел, чтобы о большом блюде тоже не забыли. Количество интересовало его больше качества. И бокалы он продолжал осушать исправно.

Когда рыбёшка кончилась, Петруччо велел Чанне принести фрукты и ещё хлеба: всё, что стояло на столе, доктор уже истребил. Чанна принесла несколько тёмных хлебцев и объяснила, что белого хлеба больше нет. За это утро ушло столько, сколько хозяину хватило бы на неделю.

— Боюсь, пекарь приуныл, — заметил доктор, — и хлеб

тоже оделся в чёрное. Это не хлебцы, а их тени! Чаннетта, больше не приноси, а то придётся зажигать свечи.

Между тем подали сыр и фрукты. Доктор схватил тёмный хлебец.

Угощение на морской террасе



— Слышал, чёрный хлеб возбуждает аппетит. Проверим! Пожени его с этим сырком, а в приданое дам вот эту грушу.

Но за одной грушей пошла другая, как бывает с вишнями. Вскоре исчезли и хлеб, и сыр, и фрукты.

— После сырого — чистое! — объявил доктор.

Чанна подала пить. Он выпил, но скривился:

— Что это за вино? Разве я пушка, которую после десяти выстрелов нужно промывать уксусом?

— Каким уксусом? — удивился Петруччо и позвал Чаннетту. — Что за вино ты подала?

— Двенадцать бутылок, что стояли снаружи, закончились. Я дала то, что осталось со вчерашнего дня.

— Понятно! Тут у нас не дождик, а целый потоп. Возьми ключ от другого погребка — ради синьора доктора!

— Извините, вчера я не ел, — сказал Маркьонно. Обжоры всегда так говорят. — И вы ведь знаете: к концу движение ускоряется. Не мешайте мне: тронете колесо на полном ходу — оно снова повернётся! Но скажите, мой Петруччо, как это мы в Позиллипо, а инжира ещё не ели?

— Сами виноваты! — ответил хозяин. — Вы так торопились есть, что Чанна о нём забыла.

Он велел принести инжир.

— Теперь всё хорошо! — сказал доктор. — Если ошиблись в порядке, то хоть в самом деле не ошибёмся.

Он заметил спелые плоды: кожица лопнула, шейки поникли, на поверхности блестели сладкие капли. Схватил, про-

глотил и спросил:

— Какой это сорт?

— Троянский инжир, — ответил я.

— И в самом деле — словно троянский конь, а зёрнышки внутри — его войско! Только для того коня пришлось проламывать городскую стену, а этим плодам и так дорога открыта. Тот стал причиной пожара в Трое, а эти согревают мне желудок.

Доктор ел так, словно только что сел за стол. Я спросил:

— Почему древние называли сыр, фрукты и всё подобное «вторым столом»?

— Знаете почему? Древние много ели, и, когда доходило до сыра и фруктов, казалось, начинали всё заново. А теперь вы мне скажите: какое кушанье гостям нравится меньше всего?

Мы стали называть разные блюда.

— Хуже всего сыр! — сказал он. — После него уже ничего не подают.

— Хочу, чтобы сегодня сыр своей доброй славы не потерял, — ответил Петруччо. — Чаннетта, принеси жареную рыбу!

Она принесла морского угря.

— Вот видите, я был прав, когда подали мелкую рыбёшку! — обрадовался доктор.

— Вы назвали его морским угрём, — ответил Петруччо.
— А у нас его зовут иначе.

— Это всего лишь спор о названиях. Философы его не ценят: надо заниматься самой сутью вещей. Что я и делаю!

Он пустил зубы и челюсти в такой галоп, словно до этой минуты вовсе ничего не ел. Бедный угорь исчез, будто его заколдовали. Маркьонно уже устал, но ещё не насытился.

— Нужно запечатать желудок, — сказал он.

Под этим предлогом он уничтожил все оставшиеся кусочки хлеба. Чанне только и осталось, что убрать посуду. Перед тем как сняли скатерть, доктор заметил:

— Если есть чем освежить рот, я бы не отказался.

— На этот раз дам вам вино, которое вы любите больше всего, — сказал Петруччо. — Называйте, я соглашусь.

— Асприно мне не нравится: кислое у него название, кислый и вкус. Распата царапает даже там, где не чешется. Маццакане ударяет в голову, как булыжник. Манджагуэрра хороша: съедает войну докучных мыслей. Хороша и Лакрима, то есть «Слеза»: заставляет плакать от радости! Вот её, если можно, налейте бокал. Я произнесу тост за вас обоих.

— Чанна, принеси бутылку Лакримы из Галитте и налей синьору доктору.

Принесли вино, наполнили огромный бокал, похожий на лампу, и Маркьонно тут же сочинил:

За ваше здоровье,

Петруччо, Масилло, любезные друзья!

Пусть Бог вам даст добра и крепкого здоровья!

Пусть всё, чего хотите,

К вам льётся без помех и попадает в цель,
Как это вино — в мой живот!

Мы рассмеялись неожиданному концу его песенки. Когда со стола убрали, мы вышли на открытую галерею над морем. Чанна позвала четырёх своих дочерей: Чекку, Толлу, Попу и Чуллетеллу. Первые две принесли бубны, третья — кастаньеты, а четвёртая пела. Потом они менялись: одна пела, остальные играли. Кто сумеет передать, какие чудесные песенки они исполнили!

Музыка в галерее



Чекка спела вот что.

I

Сколько раз под вечер поздний
Мы с подружками гуляли
На скале мессера Леонардо,
Там моллюсков собирали!

II

Кто тебе такие туфельки смастерил?
Ты ему за туфельки не заплатил!
Слышу за спиной окликают меня:
«Обернись-ка, обернись! Заплати-ка, друг, сейчас!»
Треньки да бренчалки!
Кружева, булавки!
Веретёна, ложки из Меркольяно!
Где моя красавица? Что же не видна она?

И эта была хороша, и следующая.

III

Открой, моя милая, нас тут семеро,
А денежек на всех всего шесть грано!
Поднимайся, Пеппо! Пеппо, поднимайся!

Толла своим голоском, словно у сирены, спела другие.

IV

Милая, откуда взялся
Этот юноша задорный?
Боком шпагой бьёт иль остриём?
Он шутит или говорит всерьёз?
Наш он, из Неаполя, или приезжий?
Он себя бароном называет,
Только кто же в это верит?
Ведь в конце концов выходит,
Что он бедный подмастерье.
Эх, хвастун! Скажи хоть что-то,
Чтобы можно было верить.
Знаешь, что он сделал на днях?
Для расправы с поросёнком
Взял он шпагу и круглый щит!

А ещё эти.

V

О, сколько цветов, о, сколько колокольчиков...

VI

Красное яблочко моё, красное яблочко...

VII

Певец мой, певец мой,
Хочешь ты со мной потягаться в пении?
Смотри: я выиграю твою шляпу!
Завтра праздник — в чём тогда пойдёшь?

Попа не уступала сёстрам. Вот что она спела.

VIII

Кто хочет увидеть, как наседка прядёт,
А цыплята расчёсывают лён?
Кто хочет увидеть, как Чикко-трактирщик

Отмеряет вино без кувшина?

IX

Как славно жаворонок распевает
За час до утренней зари!
Как славно овечка ест:
Нашла свежую травку — и ходить не надо!

Чуллетелла, самая милая из всех, спела такие песенки.

X

Потеряла бабушка прялку свою,
В понедельник весь день её ищет.
Во вторник находит — да сломана та!
В среду её починяет.
В четверг расчёсывает кудель,
В пятницу к прялке её привязывает.
В субботу моет голову,
В воскресенье не прядёт: праздник!

XI

Как-то вечером, в праздник,
Взял я серп и отправился сеять.
Нашёл бузину, а на ней орехи —
Сколько гранатов с неё я собрал!
Пришёл хозяин персиков:
«Смотри, не ешь эти персики!»
Осёл на вишню забирался,
Чтоб меру инжира набрать.
Свалился, нос себе ушиб,
А волки хохотали.
Лиса готовила макароны,
Лисята тёрли сыр.
Кошка простыни латала,
Мыши подметали дом.
Оса вылетела из бочки,
Взяла шпагу — и ко двору:
«Капитан, окажи мне услугу!
Поймай муху, посади под замок!»
Муха вылетела сквозь решётку...
Бедному слепцу — лепёшку!

Очень нам понравилась музыка этих четырёх певиц, исполнявших песни на горный лад. Но бубны и кастаньеты гремели так громко, что у нас с непривычки уже начинало зве-

нет в ушах. Петруччо сказал:

— Я слышал, Чанна, что сказки на вашем языке так за-
нятны, что, когда напечатали книгу этих сказок, её захотел
иметь каждый — даже приезжие, говорящие на другом язы-
ке. И за выдумку, и за искусное переплетение событий, и за
забавные мысли, и за прелесть слов. Книги у нас нет. Поэто-
му, если знаешь какую-нибудь сказку, расскажи, пожалуй-
ста, нам!

— Это наше ремесло! — ответила Чанна. — И эти девоч-
ки, если вам угодно, тоже расскажут по одной. Только уж по-
терпите, если не выйдет так, как в книге: там всё обдуманно
и отделано. А мы рассказываем по-деревенски, как слышали
от наших предков.

Сказки за столом



— Тем приятнее нам будет слушать! — сказал Петруччо.

Мы уселись на галерее: мужчины с одной стороны, женщины с другой. Чуллетелла, самая младшая, поправила передник, откашлялась и положила ладони на колени. Она была так мила, особенно когда зарумянилась, что смотреть на неё было одно удовольствие. И вот она начала.

ВОЗНАГРАЖДЁННОЕ МИЛОСЕРДИЕ

Сказка первая

Правду сказал тот, кто сказал: «Делай добро и забудь об этом». Лучше и не скажешь! Ведь, когда человек меньше всего ожидает, добро возвращается к нему — если не от людей, то от самого неба. А кто делает зло, пусть ждёт зла. Нельзя посеять пшеницу и собрать крапиву или посадить крапиву и получить капусту. Что посеешь, то и пожнёшь. Сейчас моя сказка это покажет — только помолчите и слушайте.

Жила однажды в деревне женщина по имени Пачекка, такая добрая, что и воду замутить бы не сумела. Не человек, а сладкий пряник; кроткая, как ягнёнок. Она так жалела бедняков — как это часто бывает у деревенских жителей, — что даже описать невозможно. Последний кусок изо рта вынула бы, лишь бы не видеть, как кто-нибудь слабеет от голода.

Когда пришло время выйти замуж, попался ей повар — худший бездельник под солнцем: обжора, пустомеля, мот, ненасытная утроба. Прозвали его мастером Коккьяроне, то есть Большой Ложкой. Но что тут поделаешь? Как сказала луковица, которую подвесили к жерди, а она всё равно проросла: «И из этого надо как-то выбираться!» В сети и на птичий клей редко попадают соколы и ястребы — больше бед-

ные дрозды и безобидные малиновки. Так и эта кроткая голубка угодила в сети хитрого злодея.

Как положено повару, он сам лакомился лучшими кусочками, а жене оставлял один дым. Однажды бедняжка сказала:

— Ах, муж мой! Неужели дым от горшка моих бедствий, в котором я всё киплю и никак не сварюсь, не выжмет из твоих глаз хоть капли жалости? Ты видишь: я тружусь с утра до вечера, а хожу босая, словно курица. Пожалей меня! Купи хотя бы пару башмаков. Я не прошу, как другие жёны, ни накидки, ни перчаток, ни муфты, ни ожерелий, ни серёг, ни всяких украшений. Прошу лишь самое необходимое.

— Конечно, жена моя! — ответил мастер Коккьяроне. — Послезавтра будут готовы.

— Да вознаградит тебя небо! Живи ещё сто лет!

Но бедняжка не понимала, что муж морочит ей голову и обещает лишь бы отвязаться. Она радовалась. Тут мимо прошла нищенка. Счастье всё убегало от неё, словно быстрая лань, и за погоней её босые ноги совсем измучились. Едва женщина попросила милостыню, Пачекка отдала ей собственные старые башмаки, надеясь, что муж принесёт новые.

Пачекка дарит башмаки



Только надежда оказалась длинной, а исполнение — коротким. Муж вернулся и, увидев её босиком, спросил:

— Что такое? Мозоли на ногах, в башмаках ходить не можешь?

— Нет! Я отдала их бедной женщине. Она шла босая, ноги все сбиты. А ты ведь непременно принесёшь мне новые!

Муж рассмеялся над её простодушием.

— Конечно, жена моя! Отдай ещё и чулки: принесу тебе новёхонькие, с иголочки.

— Благослови тебя небо! Знаю, захочешь — и птичьего молока мне достанешь!

— Разве что от ночных птиц, — ответил муж и, смеясь, ушёл по своим делам.

Пачекка увидела нищего с голыми ногами и позвала:

— Вот, бедняжка, возьми эти чулки!

— Да зачтёт тебе небо! — сказал нищий.

Впрочем, получив чулки, он тут же их продал: думаю, они пришлись ему не по размеру.

Когда муж снова вернулся домой, Пачекка первым делом спросила о чулках и башмаках.

— А свои ты куда дела? — спросил он.

— Отдала бедняку.

— Что же ты ему ещё и юбку не отдала? Скоро придёт корабль с хорошими тканями; я сошью тебе юбку с запасом!

— Дай тебе Бог добра и здоровья! Вот какими должны быть мужья!

Вскоре по улице прошла другая несчастная женщина, само олицетворение бедности. Юбка на ней была такая рваная, такая истрёпанная, что казалось: её выловили из моря достатка сетью нищеты, облили уксусом горестей и положили на решётку нужды. Добрая Пачекка пожалела её, протянула через окошко свою юбку и отпустила с миром.

Мастер Коккьяроне пришёл, увидел жену в одной рубашке и решил, что она вытряхивает блох из юбки.

— Что такое, жена моя? Неужто так жарко, что ты ходишь по дому в одной рубашке?

— Ах, муж мой! Жду новую юбку, чулки и башмаки.

— А свою юбку куда дела?

— Отдала бедной женщине, которой она очень нужна.

— Ну конечно, ты ведь богачка! Знаешь что? Отдай и рубашку, если хочешь. Тогда уж одену тебя во всё новое!

— Хорошо, муж мой. Только поскорее: а то совсем останусь без одежды!

— Мигом, мигом всё устрою!

Он повернулся и сбежал по лестнице, сердясь, что женился на такой простодушной женщине. Её добрые поступки он истолковывал на самый дурной лад.

Пачекка выглянула в окошко. По переулку шла нищенка в таких лохмотьях, что они почти не защищали от холода.

— Хлеба! Хлеба бедной женщине, что погибает от холода и голода! Старую рубашку — ради неба!

— Подожди! Подожди! — позвала Пачекка.

Она сняла рубашку и, чтобы не высовываться из окна без одежды, подала её наружу на палочке.

Оставшись без всего, бедняжка слышала стук мужа в дверь. Она завернулась в его старый плащ, но открыть не решилась. Коккьяроне стучал и звонил изо всех сил.

— Не могу открыть! — отвечала она.

— Почему?

— Ты принёс новые башмаки? Чулки? Юбку? Рубашку? Я ведь осталась совсем без одежды!

Услышав это, муж пришёл в такую ярость, что мог бы наделать непоправимое, доберись он до неё. Но Пачекка оставалась за запертой дверью и была в безопасности.

Между тем солнце, весь день поджаривавшее земную зелень, погасило огонь своих лучей и скрылось за западным краем неба. Небо стало темнеть, словно закопчённая труба. Коккьяроне снова постучал:

— Открывай, Пачекка! Хватит!

— Ты принёс одежду?

— Не в этом дело! Завернись во что-нибудь и пойдём со мной. Материю я купил, но портному нужно снять с тебя мерку: сам он прийти не может.

Пачекка поверила болтливому Коккьяроне и открыла. Она пошла за мужем, закутанная в старенький плащ, похожая на маленькую перепёлку в сетке. Но сколько они ни шли, мастерской нигде не было.

Около полуночи, когда звёзды, словно спелые орешки, на-

чинали перекатываться на другую половину неба, они пришли к далёкому поместью. Там стояли развалины домов, древнее самой зависти, словно в них некогда жил старик Время. О них тосканский поэт мог бы сказать:

В конце концов всё скроют травы и песок.

Трава разрослась среди развалин так густо, что превратилась в лес. Коккьяроне усадил жену в укромном уголке, словно отправил лепёшку в печь.

— Сейчас вернусь с одеждой! — сказал он.

И задал такого стрекача, что только пятки засверкали.

Пачекка ждала и ждала. Муж улетел, как ворон, и возвращаться не собирался. Она не сомкнула глаз за всю ночь; хоть и не спала, а словно дурной сон увидела. Что это за место и кто здесь живёт, бедняжка не знала. Утром узнала.

Едва заря возвестила людям, птицам и зверям, что пора приветствовать солнце, из развалин стали появляться их обитатели: отсюда медведь, оттуда огромный дикий кот, с одной стороны хищная птица, с другой — грифон. Но небо не забывает покинутых. Невинность укрыла Пачекку своим крылом, и никто её не тронул. Может быть, звери пожалели несчастную, которая из сострадания к другим сама дошла до такой беды, и приберегли зубы и когти для неблагодарных и жестоких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.